ся. Вся многотомная архитектура — теория речевых актов, этика дискурса, делиберативная демократия, постсекулярное общество, конституционный патриотизм — есть философское и практическое разворачивание этого одного тезиса.

Хабермас верил, что в самой структуре повседневной устной речи уже содержится нормативный ресурс. Когда мы что-то утверждаем, мы обязуемся это обосновать. Когда мы просим о чем-то, мы признаем другого способным сказать «нет» (*Neinsagen*); когда мы спорим — признаем процедуру, в которой лучший аргумент может переубедить. Возможность убеждать и готовность быть убежденным — не риторические позиции, а конститутивное условие самого разговора. Все институциональное здание свободы, от парламента и суда до прессы и университета, есть попытка расширить это бытовое обязательство до масштаба общества. Честно подсчитанное голосование без предшествующего обсуждения есть не демократия, а скрытая угроза силой: большинство давит на меньшинство, не дав ему возможности возразить.

Смерть Хабермаса — не только утрата мыслителя, но и молчаливый вопрос оставшимся. Эпоха, которая его сформировала и во многом благодаря ему получила свой голос, верила, что содержательный разговор о политике возможен и продуктивен. Наша новая эпоха — эпоха цифровых платформ, информационных пузырей, войн и истощенных институтов — в этом все чаще сомневается, считая ставку на разговор с (все более чужими) другими наивной, если не опасной. Хабермас не дал готовых ответов или рецептов для этих новых вызовов, он оставил обязательство продолжать говорить так, как если бы собеседник способен был нас услышать и понять, — потому что иначе исчезнет сам смысл нашей речи.

Он был вежлив, обширно эрудирован, методичен, часто невыносимо длинен в предложениях и редко остроумен. Но он был человеком, для которого слушать чужой аргумент было формой жизни. Это его прикладное наследство — и поэтому каждый из нас вполне может сказать ему «нет».

Татьяна Вайзер

Сознание границ и безграничность сознания

Когда-то в Париже я писала магистерскую диссертацию по философии трансгрессии во французской интеллектуальной культуре (Батай, Бланшо, Нанси) и собиралась развивать тему трансгрессии у Батая в рамках учебы на русско-французской PhD-программе. Мой научный руководитель с российской стороны, автор книги «Метафора и рациональность» (1994), как-то покривившись в адрес Батая, предложил заняться Хабермасом. Так родилась тема кандидатской «Этика сообщества: Хабермас и Батай», где я сравнивала две несовместимые парадигмы коммуникативной этики, представленные в европейской куль-

туре XX века этими двумя именами. Поводом для сравнения было использование обоими философами схожих языковых идиом для выражения совершенно разных значений, в столкновении которых вскрывалась знаковая для модерности проблема Другого. Правильнее было бы назвать диссертацию «Этика границ: Хабермас и Батай», потому что конфликтные образы сообществ у них являлись следствием принципиально разного понимания границы Другого: как бесконечного, запредельного, взывающего к эротической трансгрессии у одного и как конечного, смертного, уязвимого, взывающего к рациональному пониманию и уважению у другого. Я благодарна научному руководителю за этот сдвиг в сторону коммуникативной рациональности Хабермаса, в которой раскрывался необъятный опыт проблематизации эпохи модерна.

Хабермас сформулировал один из наиболее страшных диагнозов XX века: «Вспомним жуткие черты эпохи, что “изобрела” газовые камеры и тотальную войну, проводимый государством геноцид и концлагеря, промывание мозгов, систему государственной безопасности и паноптический надзор над целыми народами. В этом столетии было “произведено” больше жертв, больше погибших солдат, больше замученных граждан, убитых штатских и изгнанных нацменьшинств, больше подвергшихся пыткам, истерзанных, заморенных голодом и холодом, больше политзаключенных и беженцев, чем до сих пор можно было даже вообразить»[1]. В поиске выхода из этой ситуации Хабермас оставил нам в наследство этос отношения к значимому Другому. Другой — это тот, кто обязывает меня осознавать мои границы и необходимость построения коммуникативного моста через них. Многие его работы пронизаны болью утраты этой значимой границы и посвящены вопросу о том, как могут сегодня сосуществовать в одном социальном пространстве гетерономные группы и сообщества с их разными ценностями, установками, убеждениями, этиками и стилями жизни. Систематизированным в виде теории откликом на этот вопрос и стала его модель формальной, универсальной, деонтологической, логико-прагматической морали, лишенной содержаний и заключающейся только в том, чтобы участники аргументировали друг другу свои точки зрения.

Вторым ответом на эту ситуацию и вкладом Хабермаса в децентрацию модерного мышления была идея того, что прежнее место метафизического, или Бога, может занимать сегодня Логос языка, сама трансцендентная структура языка в интерсубъективно ориентированной коммуникации. Сегодня после распада глобальных метафизических систем отсутствие единого *над*стоящего закона, авторитета или догмы может, как он считал, компенсироваться за счет особенностей, внутреннее присущих совещательной практике: «Языковая интерсубъективность превосходит субъектов без того, чтобы их подчинять. Она не является субъективностью высшего ранга и может обойтись без концепта абсолюта, не отказываясь от трансцендентности изнутри»[2].

В этих двух максимах — сознания своих границ в отношении Другого и способности оставить место условного «Бога» пустым там, где субъекты с разными ценностями и ориентирами аргументируют друг другу свои позиции, — и состоит основное этическое завещание Хабермаса, оставленное нашему времени.

Как бы неудачно или терминологически неупорядоченно ни переводили Хабермаса на русский язык, он повлиял на становление целой плеяды серьез-

1 *Хабермас Ю.* Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 217.

2 *Habermas J.* Texte und Kontexte. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1991. S. 156.

ных трудов российских ученых, в которых построение демократически развитой публичной сферы и публичной коммуникации виделось необходимым нормативным проектом для современной России[3]. Работы эти были большей частью изданы до войны, когда надежды построить демократический мир еще не казались утопическими. Но они создали условия для осмысления проекта коммуникативной рациональности в контексте российской публичной политики и общественной жизни, который, возможно, когда-нибудь возымеет силу публичного слова и политического действия.

Стиль Хабермаса часто считают сухим и сложным. Действительно, громоздкие конструкции с юридически формализованной терминологией сухой политической теории делают его малопонятным для широкого читательского круга. Идеалистические конструкции чисто формальной рациональности, неизменно взывающей к уважению абстрактного Другого, делают Хабермаса объектом скепсиса реалистов. В этих давних спорах едва ли кто-либо замечал, что его язык бывает безбрежен в своей художественной красоте и силе и чуток к совсем неформальной инаковости: он пишет так, как если бы был профессиональным литературным критиком иных художественных стилей мышлений, которому языки этих стилей подвластны, даже если он с ними содержательно не согласен. Он хорошо разбирается в чувствах, эмоциях, оттенках переживаний, трансгрессивных опытах, способен говорить об эротическом, священном, потустороннем, неназываемом, экстазе и смерти Бога, распаде субъекта и безумии: «Древнейшие нормы подобны плотинам, сдерживающим поток сладострастной, избыточной природы, которая обеспечивает жизненную полноту и постоянство своего бытия, поглощая отдельные существования… <…> …Для этих древнейших норм основополагающей является глубокая двусмысленность: обязывающая сила норм основана на опыте запретного и именно поэтому манящего их преодоления, т.е. на опыте святотатства, в котором чувства страха, отвращения и ужаса сливаются с восторгом и дурманящим счастьем», — пишет он со скепсисом о Батае (Фуко, Хайдеггере и других своих оппонентах) в «Философском дискурсе о модерне»[4]. Но разве мог бы мыслитель, не способный помыслить и пережить эти бездны внутреннего опыта, распада субъекта, утраты речи, тьмы рассудка, так точно и смыслоемко излагать и критиковать позиции своих оппонентов, донося до читателя специфику их языков? Он считал дефицит рациональности, ее нереализованный потенциал, причиной всех наших бедствий эпохи модерна. Но не безгранична ли его собственная рациональность, способная вобрать в себя, даже содержательно с ними не согласившись, другие опыты мысли?

---

3 От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. Серия: RES PUBLICA. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2011; Публичная сфера: теория, методология, кейс стади / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013; «Синдром публичной немоты». История и современные практики публичных дебатов в России / Под ред. Н. Вахтина, Б. Фирсова. М.: Новое литературное обозрение, 2017; Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России / Под ред. Т. Атнашева, Т. Вайзер, М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2021; Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX века / Под ред. Д. Тимофеева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025.

4 *Хабермас Ю.* Философский дискурс модерна. 2-е изд. М.: Весь мир, 2008. С. 240–241. Перевод незначительно изменен.